Глава 64

Скажи мне, чего ты боишься больше всего

Я имею в виду, если бы это был я, я бы ждал, когда назовут номера лотереи, потом вернулся бы в прошлое, взял бы билет и бац – я охренел… Это идея, не так ли. Но сейчас мы в 90-х, чувак, лотерея не стоит больше 30 миллионов, это как 3 mgp. Всего-то! Если бы я хотел, я мог бы инвестировать в акции, но это так скучно. Я имею в виду, сейчас 1994 год, цены на акции Microsoft были на уровне 3$ за штуку, а к 1997 году, когда я закончу школу, они будут стоить 15$, по крайней мере. Я мог бы превратить 400 миллионов в 2 миллиарда наличных и купить около 667 миллионов акций, но это вызывает вопросы и проблемы. А я не знаю, как работают акции, так что давайте забудем об этом.

Я не знаю, как объяснить, что все эти деньги попадают в банковские системы, и, черт возьми, надо быть умным, если вы положите на депозит $5000 или больше, копы придут и спросят, откуда у вас эти деньги, если вы не ответите, то правительство заберет их. Не говоря уже о миллиардах! Если я пойду к гоблинам, то они начнут задавать вопросы, потому что я недавно ограбил их, не трудно сложить 2 и 2. Ах да, я забыл упомянуть о маховиках времени, которые я украл из министерства, 15 пошли в королевство, превратив мое путешествие во времени в 100 часов, а 5 пошли во врата на всякий случай. Теперь есть правило о вратах и королевстве: если у меня есть предмет во вратах, например, маховик времени, и он уничтожен, он будет восстановлен функцией автоматического извлечения и ремонта во времени. Это если я не использую его для интеграции в королевство, тогда он полностью исчезнет. Нет бесконечного обмана в этой системе.

То же самое работает для всех предметов, но есть ограничения. Например, Энкиду, который, по сути, находится в моей душе и вратах. Поскольку мои врата связаны с моей душой/королевством. Это просто правила, брат. Так что, по сути, я могу вернуться назад во времени примерно на 4 дня. Мне нужно быть осторожным с парадоксами и прочим дерьмом, например, я могу видеть и говорить с собой, но если я попытаюсь отдать себе все свои деньги, это будет парадокс, который разорвет реальность, а нам нужна реальность, так что это большое «нет»! Кроме того, королевство запрещает мне отдавать такие предметы, чтобы автоматически остановить парадоксы. Это путешествие во времени, чувак, это трудно объяснить, у меня голова болит, когда я думаю об этом.

В любом случае пир закончился, пока я отвлекал вас всех разговорами об акциях и путешествиях во времени. Я ел хрустящую курицу и горячее картофельное пюре, а вы ничего не получили, хахаха! Сосунки! Пошел спать, теперь у меня напряженный день утром три новых занятия. Руны существ и арифмантия, которая в основном математика волшебника, не знаю, как это работает. Я думал, что математика – это математика. Я посмотрю позже, я думаю, это для создания заклинаний. В любом случае спокойной ночи.

Это была гребаная математика! Это как математика для магов. Черт, это трудно! Это как странное сочетание использования математики для создания вещей, которые я не понимаю. Я просто смотрел на бумагу и заставлял ее показать мне свои секреты. Это не сработало. И я должен был учить вещи, от которых у меня болит голова. Руны были хороши, но мы должны были изучать древние языки, такие как норвежский и старые симерские, которых больше нет,

и мы могли писать маленькие рисунки на камнях или дереве с помощью маленького набора для создания скульптурных надписей и заставлять их светиться и т.д. Но мы не узнаем этого позже. А сейчас пришло время для первого урока «Защиты от темных искусств».

Профессора Люпина не было на месте, когда они пришли на первый урок «Защиты от темных искусств». Они все сели, достали свои книги, перья и пергамент и уже разговаривали, когда он наконец вошел в комнату. Люпин неопределенно улыбнулся и положил свой старый потрепанный портфель на стол учителя. Он был, как всегда, потрепан, но выглядел здоровее, чем в поезде, как будто съел несколько порций еды.

– Добрый день! – сказал он, – Пожалуйста, положите все свои учебники обратно в сумки. Сегодня у нас будет практический урок. Вам понадобятся только ваши палочки.

Несколько любопытных взглядов было брошено на класс, когда они убирали свои книги. У них никогда раньше не было практического занятия по «Защите от темных искусств», если не считать того памятного урока в прошлом году, когда их старый учитель привел в класс целую стаю пикси и выпустил их на волю.

– Итак, – сказал профессор Люпин, когда все были готовы, – Следуете за мной!

Озадаченные, но заинтересованные, ученики поднялись на ноги и последовали за профессором Люпином из класса. Он повел их по пустынному коридору и за угол, где первое, что они увидели, был полтергейст Пивз, который парил вверх ногами в воздухе и набивал жевательной резинкой ближайшую замочную скважину.

Пивз не поднимал глаз, пока профессор Люпин не оказался в двух футах от него; тогда он зашевелил своими кудрявыми лапками и запел: «Вьюжный, вьюжный Люпин, вьюжный, вьюжный Люпин…»

Грубый и неуправляемый, каким он почти всегда был, Пивз обычно проявлял некоторое уважение к учителям. Все быстро посмотрели на профессора Люпина, чтобы узнать, как он это воспримет. К их удивлению, он все еще улыбался.

– На твоем месте, Пивз, я бы вынул жвачку из замочной скважины, – приятно сказал он. Мистер Филч не сможет попасть к своим метлам.

Филч был смотрителем Хогвартса, плохо настроенным, неудачливым волшебником, который вел постоянную войну против студентов и, конечно же, Пивза. Однако Пивз не обратил никакого внимания на слова профессора Люпина, только громко зашипел.

Профессор Люпин вздохнул и достал свою палочку.

– Это небольшое полезное заклинание, – сказал он классу через плечо, – Пожалуйста, смотрите

внимательно.

Он поднял палочку на уровень плеча, сказал: «Ваддиваси!» и направил ее на Пивза.

С силой пули кусок жевательной резинки вылетел из замочной скважины и попал Пивзу прямо в левую ноздрю; он крутанулся на месте и унесся прочь, ругаясь. Они снова отправились в путь, класс смотрел на потрепанного профессора Люпина с еще большим уважением. Он провел их по второму коридору и остановился прямо перед дверью комнаты персонала.

– Внутрь, пожалуйста, – сказал профессор Люпин, открыл ее и посторонился.

Длинная обшитая панелями комната, заставленная старыми, несовпадающими друг с другом стульями, была пуста, за исключением одного учителя. Профессор Снейп сидел в низком кресле и оглядывался по сторонам, когда в класс вошли ученики. Его глаза блестели, а на губах играла неприятная усмешка.

Когда профессор Люпин вошел и собирался закрыть за собой дверь, Снейп сказал:

– Оставьте ее открытой, Люпин. Я бы не хотел быть свидетелем этого, – он поднялся на ноги и прошел мимо класса, его черная мантия развевалась за ним. У дверей он повернулся на пятках и сказал: – Возможно, никто не предупредил тебя, Люпин, но в этом классе есть Невилл Лонгботтом. Я бы посоветовал вам не поручать ему ничего сложного. Только если мисс Грейнджер не шипит ему на ухо инструкции.

Невилл побагровел. Гарри посмотрел на Снейпа; было достаточно того, что он издевался над Невиллом на своих уроках, не говоря уже о том, чтобы делать это в присутствии других учителей.

Профессор Люпин поднял брови.

– Я надеялся, что Невилл поможет мне с первым этапом операции, – сказал он, – И я уверен, что он выполнит ее великолепно.

Лицо Невилла стало, если это возможно, еще краснее. Снейп скривил губы, но ушел, с треском захлопнув дверь.

– Итак, – сказал профессор Люпин, приглашая класс в конец комнаты, где не было ничего, кроме старого шкафа, в котором учителя хранили свои запасные мантии. Когда профессор Люпин встал рядом с ним, шкаф неожиданно покачнулся и ударился о стену.

– Не о чем беспокоиться, – спокойно сказал профессор Люпин, потому что несколько человек в тревоге отпрыгнули назад, – Там боггарт.

Большинство людей, казалось, считали, что это повод для беспокойства. Невилл посмотрел на профессора Люпина с выражением чистого ужаса.

– Боггарты любят темные, замкнутые пространства, – сказал профессор Люпин, – Шкафы, щели под кроватями, шкафы под раковинами и так далее. Я даже встречал одного, который поселился в дедушкиных часах. Этот поселился вчера днем, и я попросил директора оставить его, чтобы мои третьекурсники могли потренироваться. Итак, первый вопрос, который мы должны задать себе: «Что такое боггарт?»

Гермиона подняла руку.

– Это перевертыш, – сказала она, – Он может принимать форму того, что, по его мнению, напугает нас больше всего.

– Я и сам не мог бы сказать лучше, – сказал профессор Люпин, и Гермиона засияла, – Значит, боггарт, сидящий в темноте внутри, еще не принял форму. Он еще не знает, что может напугать человека по ту сторону двери. Никто не знает, как выглядит боггарт, когда он один, но когда я выпущу его наружу, он тут же превратится в то, чего каждый из нас боится больше всего.

– Это значит, – сказал профессор Люпин, решив проигнорировать небольшой всплеск ужаса Невилла, – Что у нас есть огромное преимущество перед боггартом, прежде чем мы начнем. Ты заметил его, Гарри?

Попытка ответить на вопрос, когда рядом с ним Гермиона, покачивающаяся вверх-вниз на своих ногах с поднятой рукой, была очень неприятной, но Гарри попробовал.

– Потому что нас так много, оно не знает, какой формы оно должно быть?

– Именно! – сказал профессор Люпин, и Гермиона опустила руку, выглядя немного разочарованной, – Всегда лучше иметь компанию, когда имеешь дело с боггартом. Он запутается. Кем он должен стать – безголовым трупом или плотоядным слизнем? Однажды я видел, как боггарт совершил именно такую ошибку – пытался напугать сразу двух людей и превратился в половину слизняка. Ничуть не страшно. Чары, которые отталкивают боггарта, просты, но требуют силы духа. Видите ли, вещь, которая действительно уничтожает боггарта, – это смех. Вам нужно заставить его принять форму, которая вам покажется забавной. Сначала мы будем практиковать чары без палочек. После меня, пожалуйста… Риддикулус!

– Риддикулус! – дружно сказал класс.

– Хорошо, – сказал профессор Люпин, – Очень хорошо. Но, боюсь, это была самая легкая часть. Видите ли, одного слова недостаточно. И тут в дело вступаешь ты, Невилл.

Шкаф снова задрожал, хотя и не так сильно, как Невилл, который шел вперед, словно направляясь к виселице.

– Хорошо, Невилл, – сказал профессор Люпин, – Сначала о главном: что, по вашему мнению,

пугает вас больше всего на свете?

Губы Невилла шевельнулись, но из них не вырвалось ни звука.

– Я не уловил этого, Невилл, извини, – весело сказал профессор Люпин.

Невилл дико огляделся вокруг, словно умоляя кого-то помочь ему, а затем сказал едва слышным шепотом:

– Профессор Снейп.

Почти все засмеялись. Даже Невилл извиняюще ухмыльнулся. Профессор Люпин, однако, выглядел задумчивым.

– Профессор Снейп… хммм… Невилл, я полагаю, вы живете со своей бабушкой?

– Э-э… да, – нервно ответил Невилл, – Но я не хочу, чтобы Боггарт превратился в нее тоже.

– Нет, нет, вы меня не поняли, – сказал профессор Люпин, теперь улыбаясь, – Мне интересно, не могли бы вы сказать нам, какую одежду обычно носит ваша бабушка?

Невилл выглядел пораженным, но ответил:

– Ну… всегда одну и ту же шляпу. Высокая, с чучелом стервятника на макушке. И длинное платье… зеленое обычно… и иногда шарф из лисьего меха.

– А сумочка? – спросил профессор Люпин.

– Большая красная, – очень тихо сказал Невилл.

– Хорошо! – сказал профессор Люпин, – Можешь ли ты представить себе эту одежду очень четко, Невилл? Можете ли ты увидеть её в своем воображении?

– Да, – неуверенно ответил Невилл, явно задаваясь вопросом, что будет дальше.

– Когда боггарт выскочит из этого шкафа, Невилл, и увидит тебя, он примет облик профессора Снейпа, – сказал Люпин, – А ты поднимешь свою палочку… Вот таким образом… И крикнешь «Риддикулус!» Затем ты сильно сконцентрируешься на одежде своей бабушки. Если все пойдет хорошо, профессор Боггарт Снейп будет вынужден облачиться в эту шляпу с грифом, в это зеленое платье, с этим большим красным саквояжем.

Класс тут же взорвался громким смехом. При этом шкаф зашатался ещё сильнее.

http://tl.rulate.ru/book/38754/1880133